

*М. А. Богатов**

**О СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «ВЕЩЬ» (РХГА):
ОНТОЛОГИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ РАДОСТИ
(эссе по поводу нового альманаха: *Вещь. Поэтический
сборник.* — СПб.: Изд-во РХГА, 2018. — 156 с.)**

Перед нами сборник стихов. Каждый, особенно не искушенный в мире (и в море) поэтических изданий потенциальный читатель, раскрыв его и перелистнув несколько страниц, может отметить про себя: «Это какой-то очередной сборник стихов». Хороший или нехороший — зависит от вкусов читателя. Ключевым здесь является слово «какой-то». Нашей задачей является прояснение данной неопределенности. Попробуем подступиться к вопросу: какой именно перед нами сборник стихов? Разобьем подступ к ответу на этот вопрос на две части. Вначале подумаем над тем, чем «Вещь» не является, а затем — что же она такое?

Чем «Вещь» не является?

Данный текст не претендует на раскрытие особенностей поэтики авторов сборника, не будет здесь и поисков общей литературной линии, которая могла бы объединить этих столь разных авторов в некое единство. Общая идея, которая здесь имеется, высказывается в замечательном предисловии Александра Сеницына: авторов объединяет образовательное учреждение, Русская христианская гуманитарная академия. Поэтому хотелось бы обратиться к самому прецеденту выхода такой книги.

Нам известно множество источников, которые могли бы порождать сборники стихов. Не претендуя на полное перечисление оных, обратимся к наиболее очевидным и знакомым — чтобы увидеть особое место предлагаемой книги.

Собственно, все сборники стихов можно было бы классифицировать на две большие группы: те, которые составляются при участии самих авторов, и те, которые составляются без их ведома.

* Богатов Михаил Александрович, поэт, писатель, доктор философских наук, профессор философского факультета, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; m_bogatov@mail.ru

К последним, например, относятся всевозможные антологии уже умерших поэтов, призванных продемонстрировать особенности эпохи, схожесть основных мотивов при различии мнений и т. д., и т. п. — ярчайшим примером здесь могут послужить два тома «Друзей Пушкина». Цель издания таких книг задается ученым интересом — будь то сугубо исторические, сугубо филологические или же смешанные (междисциплинарные) мотивы. Поэзия здесь в любом случае играет роль некоего артефакта, даже если она замечательна сама по себе, то обращаются к ней в таких сборниках в первую очередь с иными целями. Источник рождения таких книг — научный или музейный интерес. Наш сборник к таким не относится.

Также ко второй группе принадлежат сборники, включающие в себя живых авторов, но собираемые и выпускаемые людьми, к авторам никак не относящимися, — опять же с отличными от непосредственного восприятия поэзии социальными целями. Например, антологии современных русскоязычных поэтов в эмиграции. Здесь любопытно наблюдать, как выживает и крепнет русский язык за пределами ойкумены. Источник рождения таких книг — отслеживание определенных тенденций в современности, которые, впрочем, можно проследить и по другим фронтам: в политике, экономике, образе жизни. Наш сборник не относится и к этой группе.

Еще иногда кто-то пытается монетизировать поэзию — и издает книги вроде «Живые поэты», под обложкой которых встречаются рок-музыканты и живые классики, встречаются без ведома друг друга и при таких обстоятельствах, что никогда бы не случились, не используя их стихотворения предприимчивые менеджеры от издательского дела. Источник рождения таких книг — желание получить прибыль. Наш сборник не относится и к этого рода проектам.

«Вещь» издана по инициативе авторов и принадлежит к первой из означенных нами рубрик. Давайте же посмотрим, какое место среди всех обитателей данного множества может занимать наша книга. Когда мы оказываемся в пространстве книг, объединяющих под одной обложкой разных живых поэтов по их доброй воле, то перед нами предстают поистине разнообразные и удивительные экземпляры.

К одной их разновидностей относятся различные манифесты (классический пример — манифест «Дада» одноименного веселого движения троллей классического искусства; сюда же можно отнести манифесты футуристов и прочих представителей авангардных литературных движений). Источником появления таких книг выступает некое живое сообщество, полагающее на какой-то краткий миг (зачастую даже иллюзорно), что они — единое целое, которое сможет противостоять чему-то уже давно и незаслуженно господствующему, а также (в некоторых случаях) предложить собственную альтернативу. Наш сборник не является манифестацией литературного сообщества с единой волей (из чего вовсе не следует, что он ничего не манифестирует, но об этом — ниже).

Другой пример — толстые литературные журналы, среди которых для нашего случая можно выделить поэтические: «Воздух», «Арион», «Дети Ра». Впрочем, во всех толстых литературных журналах присутствует поэтическая составляющая — в «Новом мире», «Октябре», «Волге» и др. Назвать даже поэтические журналы сборниками стихов нельзя по нескольким причинам.

Одна из них, сугубо внешняя, заключается в том, что, помимо авторских подборок, в журналах имеются статьи о поэзии, критические заметки, интервью и много чего другого, отсутствующего в нашей «Вещи». Другая причина несборничности журналов поэзии — их регулярность. Наша же «Вещь» если и повторится, то будет называться иначе. В любом случае она замыслена не серийно, но как разовый сборник. Третья причина несборничности журналов — присутствие редакционной политики, которая проводит линии различия в поэтическом пространстве, работая с конкурентной средой. В рамках данной политики отвергаются одни авторы и привлекаются другие, третьи дожидаются в редакционном портфеле и т. д. Насколько можно судить, у издателей «Вещи» ни редакционного портфеля, ни желания кого-то выделить за счет умаления других, ни каких-либо иных признаков журнальной политики нет и не задумывалось. В предисловии отмечается, что отбор стихотворений «Вещи» коллегиально осуществлялся, но, как кажется, отвергались не авторы, но лишь некоторые из их текстов — по разного рода причинам, которые, впрочем (в отличие от журнальных случаев) не раскрываются. Задачами были единство и уникальность «Вещи». Поэтому случай даже самых поэтических из поэтических журналов для нашего сборника не подходит.

В пространстве сборников живых и согласных между собой на публикацию под одной обложкой авторов бывают еще и другие случаи. Например, не так давно вышла антология анонимных поэтических текстов «Русская поэтическая речь». Задачей у такого проекта ее создатели — Марина Волкова, Виталий Кальпиди и Дмитрий Кузьмин — выделяли множество. Когда к этой антологии через год был выпущен том комментариев, все увидели, что задач там еще больше, чем казалось. Чтобы не утомлять читателя их перечислением, можно сказать в целом: задача такого издания состояла в том, чтобы исследовать поэтическое пространство современной России, в первую очередь, ставшую чем-то само собой разумеющимся связку «автор — стихотворение». Надо было поставить ее под сомнение, заставив автора отойти в тень — и высветить стихотворение в его первозданности. Источником такого проекта служит научный и экзистенциальный интерес, который испытывают к поэзии сами поэты как поэты — и лишь во вторую очередь поэты, встающие временами на место ученых. Насколько этот проект удался, не нам сейчас и тем более здесь судить — отметим лишь то, что наша «Вещь» не имеет к таким проектам никакого отношения. В «Вещи» все в данном отношении исполнено классически: автор — подборка, автор — подборка. Наш сборник не относится к таким проектам. Его авторы не исследуют поэтическое пространство своей публикацией. Ни поэтическое пространство России, ни тем более поэтическое пространство Петербурга. Наоборот, их локализация задается принадлежностью к РХГА. Кажется, что это совсем местный проект (но это только кажется).

Тем более стоит упомянуть — на последнем месте во второй группе сборников — предельно локальные проекты. Например, происходит некий поэтический фестиваль. Он проходит в течение двух-трех дней и объединяет множество мероприятий и авторов. Представим себе, что кто-нибудь решается издать этих авторов под одной обложкой — и на обложке будет значиться название фестиваля и дата проведения. Нечуждому академической жизни человеку такой

сборник может напомнить сборник статей, выпущенных по материалам той или иной научной конференции. Авторы сами, добровольно отдали свои стихи в такой фестивальный сборник, но единственное, что их объединяет, — это то, что они в такие-то числа такого-то года встретились на таком-то мероприятии: мы там были. Значит ли это какое-то еще их единство? Может значить, а может и нет. Что же в нашем сборнике от такого рода проектов? У нас есть одна существенная привязка — принадлежность к РХГА. Но она выходит за рамки определенной даты: кто-то учится там на момент выхода «Вещи» и вскоре покинет это заведение навсегда, кто-то там работает и надеется на продолжение. Временной локализации нет. Но нет и пространственной — РХГА явно не сводится ко всем известному зданию на Фонтанке со знаменитым и во всех отношениях замечательным книжным магазином «Порядок слов». Подобно тому, как «Порядок слов» — это чуть больше чем обычный книжный магазин (это магазин со своей культурной политикой и программой), так и РХГА — чуть больше, чем серый особняк на Фонтанке, 15 в совокупности со своими профессорско-преподавательским, административным и студенческим составом. РХГА еще и присутствие в системе гуманитарного образования России и мира, еще и курсы, которые там продумываются, книги, которые для этого читаются, люди, которые туда приглашаются, конференции, которые там проводятся. Также и наша «Вещь» — это чуть больше, чем небольшое число преподавателей и студентов, которых объединило случайное обстоятельство встречи в этом месте и в это время. Впрочем, теперь самое время перейти к положительной части.

Чем «Вещь» является?

Давайте представим себе хоть какую онтологию поэзии. Что она есть? Поэзия ритмизирует саму жизнь (или, можно выразиться более философично: бытие). В нашей жизни имеется ритм у больших и малых событий, у невзрачных будней и головокружительных праздников вкупе с жестокими и торжественными траурами. Об этом знали античные греки (которые не знали, что они — античные), а потому Платон может всерьез говорить в своем «Государстве» о том, какие ритмы допустимы для воспитания юношества, а какие — нет. Ведь даже уловление в нашей жизни тех или иных ритмов является делом выбора и личной ответственности: можно махнуть на все рукой и тогда весь мир со всеми его дарами предстает в серых тонах; можно настроиться на радость или даже просто на дурачливость (что умели — при всем их трагизме — Хармс и Введенский) — и тогда мир разворачивается картинами гротеска и накатывает волнами абсурда; можно усмотреть за тканью мира метафизический ткацкий станок — и тогда повсюду будут дыбиться знаки и намекать символы. Какой же мир «на самом деле»? Кант в свое время на этот вопрос наложил табу (которое тут же отвели в сторону Шопенгауэр, Маркс, Ницше и Фрейд, отвели, впрочем, в разные стороны). Невыносимость заключается в том, что мир очень разный, и то, каким он предстает перед поэтом, для него всегда оказывается неожиданным. Более того, это неожиданно и для самого мира. Глухое множество ритмов жизни может расцвести в стихотворение одним из своих аспектов. У этого расцвета определенно имеются черты единственности и подлинности, даже если «сюжет» стиха и его «настроение» профессиональному взгляду прозрачны и ясны до самого дна с первых же строк.

Задача здесь состоит не в оригинальности супротив известного, но в том, чтобы не смазать единственность и подлинность явленного ритма в угоду публике и взгляду профессионалов.

Поэзия имеет исключительно даровый характер. В русском языке «даровый» может значить и подаренное, и никому ни нужное, лишнее, и, вместе с тем, нужное, но почему-то бесплатное («халявное»). Деррида, говоря о конструкции «es gibt» у Хайдеггера (бытие «дается», «является», «имеется», но не «есть»), обращает внимание на то, что прежде, чем появились нужда и потребности, необходимо, чтобы имелось то, что ненужно, избыточно, излишне. Именно оказываясь среди того, что нам не нужно, мы понимаем, что нам необходимо. И наш рационализированный взгляд начинает выискивать нужное, необходимое, искать пути для его «достижения» и присвоения. Но действуем мы всегда среди того, что подарено, просто дано.

Если говорить об истоке поэзии, то он всегда в этом не замечаемом даровом, подарочном способе предоставления. Как правило, мы очень мало умеем быть благодарными (ругать кого-либо гораздо проще, чем хвалить). Подаренное ни за что, просто так нас смущает: мы сразу же хотим что-то с этим смущением сделать, канализировать его в какие-нибудь специальные места, чтобы там оно было «специально». «Специально» — значит уже зачем-то нужно, кому-то потребно. Но любая такая канализация (вспомним о некоторых значениях этого слова в нашем тезаурусе) уже есть не что иное, как попытка уйти от единственности и подлинности, заглушить ритм пробившейся жизни альтернативным набором сознательно симулированных ритмов — чтобы не так было смутительно, не так неудобно.

«Вещь» — это подарок. Перед нами первичная ритмизация поэтического впечатления, где-то глухого, где-то более выраженного и оформленного, но именно потому мы и говорим о сборнике. Особо хочется отметить еще одну приятную особенность приводимых в «Вещи» текстов. Сегодня отличительной чертой способа поэтического самовыражения является концентрация на травматичности собственного опыта поэта: перечисляются деструктивные переживания и образы, которыми автор желает поделиться так, будто он находится на кушетке психоаналитика. Связано это с тенденциями культурной политики современности и, к сожалению, не минует поэзию. В таких случаях стихи не призывают нас вырастать до необычной радости, нового опыта и жизненных взлетов, напротив, они готовы приостановить любой ритм радости, чтобы, грубо прерывая, указать нам на то, что в мире много несчастий, бед, боли. Делается это так, будто человек, испытывающий радость, никогда несчастий, бед и боли не испытывал, будто он неисправимый оптимист и задача поэта — его в этом поправить. Однако при такой всеобщей установке забывается, что испытывать и удерживать радость и свет в условиях несчастий, бед и боли гораздо сложнее, чем просто транслировать последние в более или менее стихотворной форме.

На этом фоне хочется отметить, что «Вещь» носит даровый характер еще и в смысле подарочном и праздничном: здесь куда больше редких личных просветов, чем так удобно отформатированной и повсеместно распространяемой мглы.